

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-5-94-107

А.Л. Лифшиц, Ю.Л. Менцин

**ПОЭМА «ПЕСНЬ О РЕФРАКТОРЕ»: НАУЧНЫЙ ЮМОР
В КОНТЕКСТЕ СВЯЗЕЙ РОССИЙСКИХ И НЕМЕЦКИХ
УЧЕНЫХ НА РУБЕЖЕ XIX И XX ВВ.**

A.L. Lifshits, Yu.L. Mentsin

**THE POEM “SONG ABOUT THE REFRACTOR”:
SCIENTIFIC HUMOR IN THE CONTEXT OF RELATIONS
BETWEEN RUSSIAN AND GERMAN SCIENTISTS AT
THE TURN OF THE 19th AND 20th CENTURIES**

Аннотация. История науки призвана изучать не только историю открытий, мнений и используемых методов, но и человеческие связи, которые порой не в меньшей степени влияют на становление и развитие науки, чем опубликованные статьи и книги. Особую сложность для наблюдения и исследования представляют разного рода эфемериды: понятные только в узком кругу злободневные намеки, разнообразные высказывания по поводу, который может оказаться забытым по прошествии времени, способ шутить, давно утративший актуальность, — всё то, что вплетается в ткань всякой жизни, в том числе научной, и без чего невозможно представить себе людей, делавших науку. В центре предлагаемой статьи — поэтический текст, обнаруженный в архиве замечательного российского астронома

Лифшиц Александр Львович, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории лингвосомиотических исследований НИУ «Высшая школа экономики»; заместитель директора Научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова

Lifshits Alexander Lvovich, PhD Candidate in Philology, Senior Researcher, Laboratory of Linguistic and Semiotic Research, National Research University “Higher School of Economics”, Deputy Director, Scientific Library, Lomonosov Moscow State University
allifshits@gmail.com

ORCID: 0000-0002-8854-0479

Менцин Юлий Львович, кандидат физико-математических наук, заведующий Краснопресненской лабораторией Государственного астрономического института имени П.К. Штернберга МГУ имени М.В. Ломоносова

Mentsin Yulii Lvovich, PhD Candidate in Physics and Mathematics, Head, Krasno-presnenskaya Laboratory, State Astronomical Institute named after P.K. Sternberg, Lomonosov Moscow State University

mentsin@mail.ru

ORCID: 0009-0009-1180-5721

В.К. Цераского, который возглавлял Астрономическую обсерваторию Московского университета на рубеже XIX–XX вв. и много сил приложил для ее строительства. Шуточное сочинение «Песнь о рефракторе» (1898) берлинского студента Бенно Мессова — один из таких образцов юмора, который способен пролить свет на характер научных контактов между учеными разных стран. Сочинение представляет собой перепев знаменитой поэмы Фридриха Шиллера «Песнь о колоколе», глубоко укорененной в традиции немецкой поэзии. Между тем этот текст был преподнесен В.К. Цераскому, который, по мысли дарителя, способен был оценить тонкость шутки. Строительство рефрактора в Московской обсерватории представлялось прекрасным поводом вторично использовать текст, посвященный окончанию строительства такого же устройства в Потсдамской астрофизической обсерватории. Это сочинение является свидетельством как склонности ученых к юмору, так и разносторонних научных и дружеских связей между учеными и инженерами России и Германии на рубеже XIX–XX вв. В предлагаемой статье анализируется текст поэмы Мессова, рассматриваются некоторые страницы биографии ее автора и предполагаемые обстоятельства передачи Мессовым своего сочинения В.К. Цераскому.

Ключевые слова: Московский университет, Астрономическая обсерватория, В.К. Цераский, история науки, научные связи, юмор в научной среде.

Abstract. The history of science is intended to study not only the history of discoveries, hypotheses and methodology, but also human connections, which sometimes influence the formation and development of scientific knowledge no less than articles and books. Ephemerides of various kinds are particularly difficult to observe and study: topical hints understood only in a narrow circle, various statements on a subject that may be forgotten after the passage of time, a way of joking that has long since lost its relevance — all that is woven into the fabric of life, including scientific one, and without which it is impossible to imagine people who did science. At the center of the article is a poetic text found in the archive of the remarkable Russian astronomer V.K. Tserasky, who headed the Astronomical Observatory of Moscow University at the turn of the 19th and 20th centuries and put a lot of effort into its construction. The humorous work “Song about the Refractor” (1898) by the Berlin student Benno Messow is one of such samples of humor, which can shed light on the nature of scientific contacts between scholars from different countries. The poem is a paraphrase of Friedrich Schiller’s famous “Song of the Bell”, deeply rooted in the tradition of German poetry. Meanwhile, the parodic “song” was presented to V.K. Tserasky, who, according to the presenter’s thought, was able to appreciate the subtlety of the joke. The construction of a refractor in the Moscow observatory seemed an excellent occasion to reuse the text dedicated to the completion of the same device in the Potsdam Astrophysical Observatory. This work is a testimony both to the scientists’ penchant for humor and to the versatile scientific and friendly ties between scholars and engineers of Russia and Germany at the turn of the nineteenth and twentieth centuries. The article examines Messow’s poem, some details of his biography and the alleged circumstances of the song’s transfer to V.K. Tserasky.

Keywords: Moscow University, Astronomical Observatory, V.K. Tserasky, history of science, scientific relations, humor in scientific environment.

О глубокой связи игры (в широком смысле этого слова), шуток и научного познания писали и говорили многие ученые. Например, один из основоположников квантовой механики, французский физик Луи де Бройль (1892–1987) посвятил этому вопросу специальные статьи. Он утверждал, что «все игры, даже самые простые, в проблемах, которые они ставят, имеют общие элементы с деятельностью ученого при его исследованиях». По мнению де Бройля, это связано с тем, что научное познание базируется на таких свойствах мышления, как воображение и интуиция, развитию которых способствуют игры и остроумные шутки. «Что значит быть остроумным, писал де Бройль, как не быть способным устанавливать внезапно неожиданные сопоставления, поучительные или забавные? Живой язык, который легко приспособливается к таким сопоставлениям, может благоприятствовать научному открытию и потому, что меткое высказывание иронизирующих и “внезапное прозрение” ученых в момент великих открытий, ... в сущности, являются различными, но родственными проявлениями гибкого ума»¹.

В Музее Государственного астрономического института имени П.К. Штернберга (ГАИШ) хранятся разнообразие архивные материалы, в том числе документы основанной в 1831 г. Астрономической обсерватории (АО) Московского университета. Их собиранию и хранению во второй половине XIX в. положил начало профессор Богдан Яковлевич Швейцер (1816–1873), директор обсерватории с 1856 по 1873 г. и ее первый историограф². Им же в 1864 г. были сделаны первые фотографии обсерватории.

После Б.Я. Швейцера дневники и другие материалы наблюдений, а также письма, получаемые сотрудниками АО, сохранились благодаря стараниям следующих поколений сотрудников, среди которых были Ф.А. Бредихин, В.К. Цераский, С.Н. Блажко, П.К. Штернберг, Б.А. Воронцов-Вельяминов, П.Г. Куликовский и др. Архив АО непрерывно пополнялся. В него включались также черновики научных статей, планы лекций, проекты реконструкции АО, вырезки из газет, письма от поставщиков астрономических инструментов и от городских служб и множество других материалов, позволяющих составить достаточно полную картину повседневной жизни обсерватории.

¹ Бройль Л., де. По тропам науки. М., 1962. С. 290–295, 332.

² Первой официальной историей АО является его работа: Швейцер Б.Я. Описание Обсерватории Московского университета и ее главных инструментов: Речь, написанная для университетского акта 12 января 1866 г. Б. Швейцером, директором Университетской обсерватории. М., 1866.

Заметное место в архиве занимают документы, относящиеся к научной, преподавательской и научно-организационной деятельности выдающегося астронома и астрофизика, директора АО с 1891 по 1916 г., члена-корреспондента Санкт-Петербургской академии наук (1914) Витольда Карловича Цераского (1849–1925)³. В число этих документов входят письма от родных, коллег, любителей астрономии, а также дневники наблюдений, тетради со счетами по текущим расходам АО, тексты лекций и многое другое. Особый интерес представляет записная тетрадь ученого, которую он вел с 1882 по 1911 г. Этот том большого формата, толщиной около 10 см, заполненный рисунками инструментов, вычислениями, черновиками писем, замечаниями по поводу наблюдений и т.д., заслуживает детального анализа и полноценного исследования, поскольку предоставляет уникальную возможность проникнуть в творческую лабораторию выдающегося ученого, и ждет своих исследователей.

Именно среди документов В.К. Цераского в большом ненадписанном конверте Ю.Л. Менциным было обнаружено сочинение “Das Lied vom Refraktor” («Песнь о Рефракторе»), датированное 10 декабря 1898 г. и подписанное студентом-астрономом по фамилии Мессов (Messow). Два листа бумаги содержат 8 столбцов поэтического текста, написанного каллиграфическим курсивом и тиражированного литографским способом⁴. Подзаголовок сочинения сообщает, что оно было приурочено к предстоящему празднованию Рождества Берлинским Академическим обществом астрономии и физики (Akademischer Verein für Astronomie und Physik). Темой поэтического выступления стало ожидающееся в 1899 г. завершение установки главного инструмента Потсдамской астрофизической обсерватории. Фотография Большого рефрактора, очевидно, современная тексту поэмы, была обнаружена в том же конверте⁵.

³ К важнейшим научным достижениям В.К. Цераского относятся: открытие «серебристых облаков» (1885), определение впервые в мире нижней границы температуры поверхности Солнца (1895), измерение (тоже впервые в мире) видимой звездной величины Солнца (1903–1905). В.К. Цераский является основоположником отечественной школы изучения переменных звезд, завоевавшей, уже в советские годы, мировую известность. Ученый также сыграл важную роль в становлении российской астрофизики. Подробнее о В.К. Цераском см.: *Грибко Л.П., Пономарева Г.А.* Российские астрономы конца XIX — начала XX веков: Витольд Карлович Цераский и Лидия Петровна Цераская // Историко-астрономические исследования. Вып. XLI. Воронеж, 2021. С. 187–247.

⁴ Полный текст поэмы на немецком языке, комментарии к нему, а также переводы отрывков поэмы были опубликованы Ю.Л. Менциным и Н.Н. Самусем (ГАИШ МГУ, ИНАСАН): *Менцин Ю.Л., Самусь Н.Н.* Поэма Бенно Мессова «Песнь о Рефракторе», подаренная В.К. Цераскому // Историко-астрономические исследования. Вып. XXXIX. 2016. С. 433–463.

⁵ Эта же фотография чуть позже была напечатана в популярном журнале: The Popular Science Monthly. Vol. 58. November, 1900 to April, 1901. P. 12.

Herrn Prof. Ceraski, dem verehrten Gönner des A. A. V.,
hochachtungsvoll überreicht vom Verfasser

Das Lied vom Refraktor.

Zum Weihnachtstfest des Akademischen Vereins fuer Astronomie und Physik am 10. 12. 98

Fest gemauert in der Eiden
Ist die's off'ne Fundament;
Juni soll es fertig werden,
So das da's neues Instrument.
Steinzeit, Pensold, Schott,
Schafflen, fisch und Pfost;
Ihre Arbeit muss man loben,
Noch der legen kommt vor oben.

O
Zum Werke, das wir hier bereiten
Lehrt sich wohl hier unserm Gang,
Mit kurren Worten herrscheiden
Den logischen Ideengang,
So lässt uns jetzt mit Feiss betrachten,
Was durch der Technik Kraft entspringt,
Was Optik und Chemie vollbrachten,
Und was die strenge Kunst vollbringt.
Das ist ja, was dem Forscher rietet
Und dankt ward ihm der Verstand,
Dass er methodisch kritisiert
Was er empfing aus Künftlers Wand!

Nehmt vom allerbesten Glase,
Doch recht farblos lasst es sein;
Keine Färbere, oder Blase
Trübe so der Sterne Schein!
Kritik et Maß und Band,
Trost wach allerhand.
Kreide, Sotass und Alkalien,
Quarz und andre Mineralien.

Was an der Saale hellem Strande
Der grosse Schott mit Kunst gebaut,
Das wird fortan im märk'schen Lande
Von seinem Eisse rennen laut.
Noch dauern wird's in späteren Tagen,
Und wird des Astronomen Blick
Empor zum blauen Oether tragen,
Daraus er hier der Welt Geschick.
Was unten tief dem Erdensahre
Das wechschende Verhältnis bringt,
Das ruht auf seinem Eriergestirne
Der Weise, der die Welt besteuert.

Weisse Blasen sch'ich springen
Wohl! die Massen sind im Fluss,
Laßt's mit Wasserdampf durchdringen,
Das befördert schnell den Fluss.
Duch von Taucken rein
Muss die Mischung sein
Und ihr misst sie nach Gebühren
Kräftig durcheinander rühren!

Denn durch der Rime reine Klarheit
Sucht schon der stehende Student

Nach wissenschaftlich fester Wahrheit
Ihr sterbensäten Firmament,
Ihm ruhen noch im Keitenschoos
Die schwarzen und die heissen Quas;
Der Mima Mater rarte Bergen
Bewachen seinen goldenen Morgen.
Die Jahre fliehen Pfeilgeschwind.
Dem Nachden erisat sich stolz der Anst
Er bleibt auch abends oft zu Haus:
Entgegenäusset seinem Strabz
Der Burchenferheit Laus und Braus.
Und horcht in der Dugend Fragen,
Wie ein Gebild aus Dummheit köst n,
Biekt er mit Kithern und mit Sängen
Die Doctorprüfung vor sich stehn.
Da fasst ein ungenütses Schreun
Des Singsings Herr, ersitst allein,
Er sucht sein Wissen auszudehnen
Und nicht der Pründer wilden Reithen.
Er folgt Laplaces und so, ches Syncren
Und ist dabei noch hochbeglückt,
Wenn durch ein Chaos grn Figuren
Er seine Doctorarbeit schwinckt.
Garte Lohnzeit, süssee Doffen!
Des ersten Schaffens schwere Zeit!
So viele Kücken sind noch offen,
So klein wach die Belchrasamkeit.
Ach, dass sie bald vrungen wäre,
Des Doctortitels hohe Ehre!

Leiterschmelzung ist vollzogen,
Choncybunder tauch ich ein!
Bleibt das Stück uns nun gemessen
Wind das Glas vorzüglich sein!
Dichtbarkeit, fisch!
Prüft mir das Feinisch,
Ob das Eröde mit dem Weichen
Sich vereint zum guten Keichen.

Denn wo das Strenge mit dem Farten,
Wo Cononglas sich und Flintglas paarten
Da hat man gutes Material.
Denn prüfe, wer sich, weltverlorer,
Des Dummhells Studium hat erkoren,
Ob sich erfüllt sein Ideal.
Leblich in des Suches Ahnen
Malt sich seiner Zukunft Bild,
Denn Verloss erung der Dahnrei
Noch als ein Myterium gilt.
Ich des Lebens schönste Jahre
Enden mit der Irquation;
Alles Echle, alles Wahre
Ist ja doch nur Illusion!
Die Studienzeit fliehet
Die Arbeit muss bleiben;

Поэма Б. Мессова, хранящаяся в Музее ГАИШ

В верхней части первой страницы текста находится дарственная надпись: "Herrn. Prof. Ceraski, dem verehrten Gönner des A. A. V., hochachtungsvoll überreicht vom Verfasser" — «Господину проф. Цераскому, уважаемому покровителю А. А. V., с совершенным почтением

поднесено автором». А. А. V. — скорее всего, Академическое астрономическое общество.

Автор поэмы — на тот момент студент Берлинского университета Бенно Мессов. К сожалению, сведения о нем довольно скудны. Почти ничего не добавили и запросы в Гамбургскую обсерваторию, где он работал после окончания Берлинского университета. Известно, что Мессов родился 29 марта 1876 г. в Берлине. С 1895 по 1900 г. он изучал астрономию и метеорологию в Берлинском университете. В июле 1900 г. Мессов становится сотрудником Гамбургской обсерватории и будет связан с этим научным учреждением до конца своей жизни. В 1913 г. Мессов защитил в Страсбурге докторскую диссертацию, посвященную звездным скоплениям⁶. По мнению коллег, Мессов, отличавшийся особой дотошностью и аккуратностью, активно и плодотворно участвовал в астрономических наблюдениях, обработке полученных результатов и публикации научных работ, руководил в течение многих лет работой Службы времени и погоды обсерватории.

Умер Бенно Мессов от воспаления легких 15 июня 1930 г. в Гамбурге, оставив вдову, двух сыновей и дочь. В кратком, но прочувствованном некрологе, посвященном ученому, директор Гамбургской обсерватории, профессор Рихард Шорр (1867–1951) отметил не только научные достижения Мессова, но и то, что он обладал чувством прекрасного и был жизнерадостным человеком⁷. Говоря о вкладе Мессова в научную работу обсерватории, Р. Шорр упоминает интересный факт. Во время гиперинфляции 1922–1923 гг. обсерватория осталась без средств к существованию и, в частности, не могла оплатить типографии весьма дорогостоящий набор и издание каталога звезд Карла Рюмкера (Carl Rümker)⁸. В этой ситуации Мессов от руки, замечательным почерком переписал 488 страниц (17 724 звезды) каталога, который и был издан литографским способом⁹. Благодаря этому изданию хорошо видно, что изящная каллиграфия каталога сходна с каллиграфией поэмы.

⁶ *Messow B.* Die beiden Sternhaufen im Perseus N.G.C. 869 und 884: Positionen und Helligkeiten nach photographischer Ausmessung. Inaugural-Dissertatio. Hamburg, 1913.

⁷ Некролог ученому: *Schorr R.* Benno Messow // *Astronomische Nachrichten*. 1930. Bd. 239. Hft. 4. N 5716. S. 63–64.

⁸ Яркое описание этой финансовой катастрофы содержится в известном романе Э.М. Ремарка «Черный обелиск»: немецкая марка обесценилась в миллиарды раз, что привело к массовым разорениям и сворачиванию многих видов хозяйственной деятельности.

⁹ *Rümker C.* Carl Rümkers Hamburger Sternverzeichnis 1845.0 enthaltend 17724 Sternörter, abgeleitet aus den Beobachtungen am Meridiankreis der Hamburger Sternwarte in den Jahren 1836 bis 1856 / Hrsg. von Dr. Richard Schorr. Bergedorf, 1922. XII, 488 S.

Бенно Мессов (1876–1930)

На фотографии 1900 г. из собрания Берлинской государственной библиотеки¹⁰ Бенно Мессов выглядит аккуратным молодым человеком, склонным, как кажется, к науке более, нежели к озорству. Что касается политических воззрений Мессова, то известно, что он придерживался монархических взглядов, что создавало для ученого в годы Веймарской республики серьезные проблемы. Понятно, что в последующие годы, до которых Мессов не дожил, таких проблем стало бы гораздо больше.

Поэма Мессова не была забыта вовсе. Рукопись сочинения, найденная в личном архиве ученого после его смерти, была передана в редакцию журнала “Die Sterne”, опубликована в 1934 г. и тогда же перепечатана в другом издании¹¹. Еще раз относительно недавно, как памятник прошедшей эпохи, ее публикует Мартин Гетц¹².

¹⁰ <https://digital.staatsbibliothek-berlin.de/werkansicht/?PPN=PPN838758843> (дата обращения 20.05.2023).

¹¹ *Messow B.* Das Lied vom Refraktor // *Die Sterne: Monatsschrift über alle gebiete der himmelskunde, mit unterstützung des Astrophysikalischen observatoriums zu Potsdam.* 1934. Bd. 14. S. 27–29. Перепечатка поэмы со ссылкой на “Die Sterne”: *Die Umschau: Illustrierte Wochenschrift über die Fortschritte in Wissenschaft und Technik.* 1934. Jahrg. 38. Heft 13. S. 255–256.

¹² *Götz M.* Dr. Benno Messow “Das Lied vom Refraktor” // *Sternzeit – Zeitschrift astronomischer Vereinigungen.* 1987. N 3. S. 76–79.

По крайней мере однажды поэма становилась объектом рефлексии: судя по отчету о заседании Бернского астрономического общества, состоявшемся 13 января 1941 г. под девизом «Юмор и фантазия в астрономии», доктор Макс Шюрер (Max Schürer; 1910–1997) снискал у публики успех, сделав о ней доклад, и не упустив того факта, что сочинение Мессова представляет собой шуточную переделку знаменитой «Песни о колоколе» (“Das Lied von der Glocke”) Ф. Шиллера¹³. Увы, текст выступления не сохранился, но можно не сомневаться, что математик и астроном отметил в нем структурное сходство текстов — от подготовительного этапа до завершения работ, а далее — к большим надеждам, которые связываются с отлитым колоколом у Шиллера, и к скромному умолчанию о последствиях праздника — в поэме Мессова.

То, что поэтическим образцом для поэмы «Песнь о Рефракторе» стала широко известная в германоязычном мире поэма Фридриха Шиллера (1759–1805) «Песнь о Колоколе» (1800), сомневаться не приходится. Так, обе поэмы начинаются одними и теми же словами: “Fest gemauert in der Erden” («Крепко вмурован в землю»). В последующих строках обеих поэм тоже легко обнаружить немало как буквальных, так и смысловых совпадений.

Существует несколько переводов поэмы Шиллера на русский язык, сделанных еще в XIX в. В одном из них первые строки поэмы звучат так:

Утвердивши форму в глине,
Обожженную огнем,
Выльем колокол мы ныне;
Ну, живей, друзья, начнем!
Если градом пот
С жарких лиц течет, —
Мастер честь за труд находит;
Благодать же свыше сходит.

(перевод Дмитрия Мина, 1857)

Первые строки поэмы Б. Мессова можно перевести следующим образом:

Вот вмурован в землю прочно
Для колонны постамент,
И в июне близ Потсдама
Будет новый инструмент.
Штайнхель, Репсольд, Шотт
Пашут так, что виден пот.

¹³ Mitteilungen der Naturforschenden Gesellschaft Bern aus dem Jahre 1942. Bern, 1943. S. XLIII.

Славим труд мы вдохновенный,
Их награда свыше ждет.
(перевод Ю.Л. Менцина)

Выбор Мессовом поэмы Шиллера в качестве объекта пародирования объясняется в первую очередь тем, что в Германии она была так же легко узнаваема по первым словам, как, например, в России «Евгений Онегин» А. С. Пушкина или «Песня о Буревестнике» Максима Горького.

Другой причиной выбора Мессова стало, на наш взгляд, само содержание поэмы Ф. Шиллера, которая очень подробно, с массой технических деталей повествует о длительном и трудном процессе создания колокола, звон которого будет звать людей труда к свободе, к новой, счастливой и мирной жизни.

Эта поэтическая модель позволяет Мессову аналогичным образом построить свою поэму, включив в нее описания тонких астрономических наблюдений, трудностей и радостей научной работы, тернистый путь молодого ученого к вожденной докторской степени. Кроме того, подобно поэме Шиллера, поэма Мессова содержит в стихотворной форме массу технических сведений — из истории создания телескопов, производства оптического стекла и многое другое, что, несомненно, занимало многих во время строительства в Потсдаме. Сегодня это требует комментариев.

Так, Мессов говорит о проблемах выплавки чистого оптического стекла, лишенного окрашивающих примесей и пузырьков воздуха. При этом он упоминает некий глиняный стержень, который помог очистить стекло. Автор явно имел в виду метод удаления пузырьков воздуха из расплавленной стеклянной массы, изобретенный в начале XIX в. швейцарцем Пьером Гинаном (Pierre Guinand; 1748–1824) и заключавшийся в том, что стержень из обожженной глины опускали вертикально в расплав и медленно вращали, так чтобы к нему прилипали пузырьки воздуха, которые затем удаляли. Эту процедуру повторяли до тех пор, пока в расплаве не оставалось видимых глазом пузырьков.

Замечательно, что и здесь мы видим параллель с сочинением Шиллера, в котором упоминается применение глиняных стержней для очистки расплава от шлаковых примесей в металлургии¹⁴:

Смесь бурлит водоворотом,
Стержень опушу в струю,

¹⁴ Lauterschmelzung ist vollzogen;
Tonzyylinder tauch ich ein.
Bleibt das Glück uns nun gevogen,
Wird das Glas vorzüglich sein.

Чуть покроется налетом —
Время приступить к литью.
(перевод И.В. Миримского, 1955)

Вполне возможно, что идею использования стержня для очистки стеклянного расплава Гинан позаимствовал у металлургов. Совместно с физиком и оптиком Йозефом Фраунгофером (Joseph Fraunhofer; 1787–1826) Пьер Гинан внедрил этот метод на заводе Утцшнайдера в Баварии, где в 1811 г. впервые в мире было налажено производство высококачественного оптического стекла двух сортов — флинт и крон. В 1870–1880-е гг. немецкий химик Отто Шотт (Friedrich Otto Schott; 1851–1935) — его имя упоминается в поэме Мессова — осуществил фундаментальное исследование влияния на свойства стекла различных компонентов¹⁵.

Наряду с упоминанием множества технических деталей, в поэме есть намеки на недавние события в кругах ученых-астрономов, широко известные в научном мире. Речь идет о скандале, связанном с сообщениями в 1890-е гг. гамбургского астронома Георга Валтемата (Georg Waltemath; 1840–1915) о якобы совершенном им открытии второй, не видимой нами Луны — небесного тела диаметром около 700 километров, движущегося вокруг Земли по сильно вытянутой эллиптической орбите, так что его максимальное удаление от Земли составляет чуть более миллиона километров. Валтемат также заявил, что им открыт еще ряд «лун» и предсказал, что в феврале 1898 г., т.е. в год написания поэмы Мессова, эти тела можно будет увидеть. Конечно, ни один ученый не застрахован от ошибок и заблуждений, но случай Валтемата был интересен тем, что в ответ на резкую критику своих коллег он начал отстаивать свою правоту не научными аргументами, а поднимая шумиху в прессе, что было вопиющим нарушением научной этики. Вот на это нарушение и откликнулся Мессов, отметив дилетантизм автора мнимого открытия и заключив, что настоящий астроном дает возможность дилетанту покричать, а затем «идти ко дну». В связи с этим очень актуально для современной науки звучат слова Мессова о том, что интерес прессы к поднятой ей же шумихе быстро проходит, а «то, что сегодня с шумом урагана воспламеняет десятки тысяч посредственностей, завтра перестает быть актуальным и забывается».

Свою поэму Мессов завершает описанием будущих торжеств по поводу введения в строй нового телескопа, а также славословиями

¹⁵ В 1884 г. О. Шотт, Э. Аббе и К. Цейс основали в Йене знаменитый завод, начавший выпуск разнообразных сортов оптического стекла. Нет никаких сомнений в том, что В.К. Цераский был хорошо знаком с технологиями стеклянного литья и ему, безусловно, был понятен смысл упоминания Мессовом глиняного стержня.

в адрес его создателей. «Соединив науку и руку творца», писал Мессов, они создали «славный инструмент», и потомки, которые будут направлять телескоп в потемки Космоса, по достоинству оценят их выдающийся труд.

Наряду с выражением восторга и благодарности в адрес создателей телескопа, Мессов с иронией описывает предстоящее вскоре важное шествие фраков, жилетов и цилиндров, появление «представителей Министерства культов» (именно так у Мессова), «монотонный поток» торжественных речей, а также раздачу орденов. При этом, предвидит Мессов, кое-кто может получить и два ордена и будет мечтать о повышении жалованья и даже должности тайного советника. Вот, оказывается, пишет автор поэмы, сколько дополнительных радостей может принести людям новый телескоп!

В последних строках поэмы Мессов описывает «роскошнейший банкет», которым, как он вполне резонно полагает, завершатся торжества. На банкете, пишет Мессов, рекой будет литься вино, включая шампанское, последствия от которого утром таковы, что из уважения к участникам торжества он вынужден умолкнуть.

* * *

Открытым остается вопрос о том, как и когда текст поэмы с дарственной надписью автора попал в руки В.К. Цераского. Вообще-то связи российских ученых с их зарубежными коллегами были давними, прочными и многосторонними. Иностранцы ученые и инженеры довольно часто приезжали работать в Россию¹⁶. В свою очередь, среди российских ученых было немало тех, кто получил образование в Европе или проходил там длительную стажировку. Нередкими были и многомесячные (а иногда и годичные) зарубежные командировки. В этом плане астрономы Московского университета не составляли исключения. Так, Б.Я. Швейцер был учеником великого немецкого астронома и математика Ф.В. Бесселя. Находясь в 1867–1868 гг. в Италии, Федор Александрович Бредихин (1831–1904), директор АО с 1873 по 1890 г., познакомился с пионерскими наблюдениями в области звездной спектроскопии выдающегося итальянского астронома Анджело Секки (1818–1878), которого часто называют «отцом астрофизики». После возвращения в Россию Бредихин сам занялся в АО аналогичными наблюдениями, что положило начало развитию астрофизики в России. При этом сравнительно небольшая обсерватория на Пресне в развитии астрофизи-

¹⁶ До революции в России не было телескопов собственного производства. Поэтому инженеры иностранных фирм месяцами работали в наших обсерваториях, занимаясь установкой и наладкой астрономических инструментов и приборов.

ческих методов наблюдений на много лет опередила Пулковскую обсерваторию, являвшуюся до конца XIX в. лучшей обсерваторией в мире.

Укреплению связей АО с зарубежными учеными в значительной степени способствовало и то, что в 1874 г. по инициативе Ф.А. Бредихина началось издание «Анналов Московской астрономической обсерватории»¹⁷, в которой публиковались на французском, немецком и русском языках работы московских астрономов. Благодаря изданию «Анналов» АО вступила в регулярный научный обмен с зарубежными обсерваториями. Вследствие этого началось быстрое пополнение библиотеки АО.

За границей, причем неоднократно, бывали практически все сотрудники АО, включая В.К. Цераского. Тем не менее, объяснить, как или, точнее, через кого, он получил текст поэмы не так просто, поскольку никаких документов на сей счет не сохранилось, да и вряд ли они существовали. Однако некоторые, хорошо известные факты биографии В.К. Цераского отчасти проливают свет на обстоятельства, при которых посылка берлинским студентом поэмы была уместна.

Мы знаем, что с 1894 по 1904 г. В.К. Цераский руководил работами по радикальной модернизации АО, важнейшей частью которой стало строительство нового купола башни Главного здания обсерватории и установка в ней 15-дюймового телескопа, изготовленного известной гамбургской фирмой «Репсольд и сыновья» (A. Repsold & Soehne), основал которую еще в самом начале XIX в. Иоганн Георг Репсольд (1770–1830). Именно инженерами фирмы Репсольда был изготовлен и установлен телескоп в Потсдаме; оба телескопа, потсдамский и московский, — инструменты одного класса. Работы по строительству купола и установке телескопа в Москве чуть отставали от работ в Потсдаме и продолжались с осени 1899 до конца 1901 г., т.е. завершились вскоре после установки телескопа в Потсдамской обсерватории — события, которому посвящена поэма Мессова.

Трудно предположить, что начинающий астроном Мессов просто так решил отправить свою шуточную поэму маститому зарубежному ученому, директору обсерватории, тем более не знакомому ему лично. Никаких сведений о пребывании Мессова в Москве нет, но и в любом случае разница положений была столь велика, что едва ли Мессов мог решиться на подобный жест: такой подарок плохо согласовывался бы с принятой в германской науке субординацией,

¹⁷ «Annales de l'Observatoire Astronomique de Moscou» издавались с 1874 по 1929 г. под редакцией Ф.А. Бредихина, а затем В.К. Цераского и С. Н. Блажко.

сколь бы легкомысленным ни представлялся нам на основании его сочинения молодой берлинский астроном. Цераский же начиная с середины 1890-х гг. не бывал за границей из-за колоссальной занятости, а позже — из-за проблем со здоровьем.

Скорее, можно предположить, что кто-то, знакомый с поэмой Мессова, а также с идущим в Москве строительством, воспользовался случаем, чтобы повеселить московского ученого написанной по сходному поводу шуточной поэмой. Вот тут легко представить, что какой-нибудь коллега В.К. Цераского, равный или близкий ему по статусу, а вернее — находящийся с Цераским в добрых отношениях, знающий, что у того не возникнет никаких проблем с немецким языком, а подношение будет воспринято благосклонно и с юмором, просит Мессова надписать литографированные листки с его стихотворным творением.

Как нам представляется, наиболее подходящим для передачи поэмы Цераскому человеком был дрезденский механик Густав Гейде (Gustav Heide; 1846–1930), фирма которого много лет сотрудничала с астрономической обсерваторией. Ученик В.К. Цераского, директор АО в 1921–1931 гг. Сергей Николаевич Блажко (1870–1956) писал¹⁸, что сотрудничество Гейде с Цераским началось в 1893–1894 гг. Фирма Гейде поставляла в АО различные астрономические инструменты. Кроме того, фирмой были изготовлены и установлены 10,5-метровый купол для башни Главного здания АО и 5-метровый купол для малой, так называемой Назаровской башни¹⁹. С.Н. Блажко отмечал также, что Гейде гордился сотрудничеством с АО, чьи регулярные заказы создали фирме известность. Он даже помещал на бланках своей фирмы рисунки поставленных им инструментов или изображение Назаровской башни, в создании и оснащении которой принимал активное участие. Возможно, именно Густав Гейде, часто бывавший в Москве и контактировавший с ведущими приборостроительными фирмами Германии, был тем человеком, который, узнав о существовании поэмы, мог обратиться к Бенно Мессову с предложением передать экземпляр поэмы В.К. Цераскому.

Но даже если наше предположение ошибочно, сохранившиеся в архиве Обсерватории на Красной Пресне листки остаются уникальным свидетельством жизни астрономической науки на рубеже XIX–XX столетий. Мы видим, насколько проницаемым оказывается

¹⁸ Блажко С.Н. История астрономической обсерватории Московского университета в связи с преподаванием астрономии (1824–1920) // Ученые записки МГУ. Юбилейная серия. 1940. Вып. 58. С. 71, 80.

¹⁹ Назаровской башню назвали в честь А.А. Назарова — друга и соученика В.К. Цераского, пожертвовавшего в 1895 г. 16 тыс. рублей на реконструкцию АО.

научный мир, как пустяк, шутка, которой, возможно, стеснялся впоследствии солидный сотрудник Гамбургской обсерватории доктор Бенно Мессов, связывает Германию и Россию. Слова немецкого студента оказываются понятными директору российской обсерватории, и он сохраняет их на память вместе с фотографией телескопа. А уж из Потсдама или из Москвы нацелен в небо инструмент фирмы «Репсольд и сыновья» — для науки не имеет значения.

References

Blazhko S.N. *Istoriya astronomicheskoy observatorii Moskovskogo universiteta v svyazi s prepodavaniyem astronomii (1824–1920)* [History of the Astronomical Observatory of Moscow University in the Context of Teaching Astronomy (1824–1920)] // *Uchenyye zapiski MGU. Jubilee series*. 1940. Issue 58. P. 5–106.

Brogliè L., de. *Po tropam nauki* [On the Paths of Science]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury, 1962. 408 p.

Götz M. Dr. Benno Messow “Das Lied vom Refraktor” // *Sternzeit–Zeitschrift astronomischer Vereinigungen*. 1987. N 3. S. 76–79.

Gribko L.P., Ponomareva G.A. *Russkiye astronomicheskiye sektsii XIX — nachala XX veka: Vitold Karlovich Tseraskiy i Lidiya Petrovna Tseraskaya* [Russian Astronomers of the Late 19th and Early 20th Centuries: Vitold Karlovich Tserasky and Lydia Petrovna Tserasky] // *Istoriko-astronomicheskiye issledovaniya* [Historical and Astronomical Studies]. Issue XLI. Voronezh: IYET RAN, 2021. P. 187–247.

Mentsin Yu.L., Samus' N.N. *Poema Benno Messowa “Pesn' o refraktore”, podarennaya V.K. Tseraskomu* [Benno Messow's Poem “Song about the Refractor”, Presented to V.K. Tserasky] // *Istoriko-astronomicheskiye issledovaniya* [Historical and Astronomical Studies]. Issue XXXIX. 2016. P. 433–463.

Mitteilungen der Naturforschenden Gesellschaft Bern aus dem Jahre 1942. Bern: Naturforschenden Gesellschaft, 1943. LX, 227 S.

Schorr R. *Benno Messow* // *Astronomische Nachrichten*. 1930. Bd. 239. Hft. 4. Nr. 5716. S. 63–64.

Поступила в редакцию
6 апреля 2023 г.